

хоз как можно скорее сделался образцовым, чтобы о нем, председателе, побольше говорили, писали, поэтому он хочет скорее превратить свой колхоз в агрогород, построить каменные здания, распланировать улицы. А между тем, колхозу для дальнейшего его развития гораздо нужнее электростанция, на постройке которой настаивают передовые люди села. Группа колхозников, в том числе парторг колхоза Алдан Абзалов, брат Тельгары — старик Жанас, жених племянницы Тельгары, Бахытжан — пишут в местную газету статью, раскрывающую неправильность замыслов и поведения председателя. И начинается ожесточенная борьба: ободренный Тельгара травит «ябедников», Анар, только что приехавшая из города, расходится со своим женихом, узнав, что тот пошел против ее дяди, которого она с детства привыкла уважать и считать непогрешимым. Но логика событий неизбежно приводит к тому, что Тельгара остается совершенно одиноким.

Казалось бы, это — ситуация для сатирической комедии, заостренно, реалистически раскрывающей характер героя, показывающей истоки зазнайства Тельгары.

Ведь пьеса тогда хороша, когда жанр ее избран органично, когда ясно, что персонажи, в ней выведенные, могут быть персонажами только пьесы данного жанра: о чеховских героях нельзя создать трагедию, а об Отелло — ничего, кроме трагедии, Гарпагон или гоголевский городничий — персонажи комедии, об Амангельды Иманове могла быть написана только героическая драма. И Тельгара Темирбеков, конечно, персонаж только обличительной, сатирической комедии.

А между тем пьеса А. Тажибаева называется именно «пьесой в 4 действиях». Большая сатирическая тема, на которую сделана заявка в начале спектакля в самой роли Тельгары, оказывается по-настоящему раскрытой только в «боковых» образах постановки, в таких, как доярка Уйсульген или почтальон — С. Кожамкулов, образ которого ясно подчеркивает, что пока Тельгара гордится собой, его обгоняют даже рядовые колхозники.

К. Бадыров играет Тельгару с тем же проникновением в сущность образа, с тем же тактом, чуткостью, и с той же огромной убежденностью, которая характеризовала его работу над образом Амангельды.

Вот его герой — коренастый, угрюмый, очень сильный человек впервые появляется на сцене. Тяжело, размеренно шагая, он проходит мимо своих противников, демонстративно не глядя на них. Ничего подчеркнуто-комического, ничего смешного нет в этом выходе. В каждом жесте, в каждом движении Тельгары чувствуется ум, власть и сила. Но вот Тельгара поднимается на крыльцо дома... Неторопливая походка. Скупые жесты. Ничего не «обыгрывается», актер не доказывает зрителю, что его герой — заносчивый упрямец, но по всему его поведению мы уже знаем, что за человек Тельгара.

И так как Бадыров — Тельгара сразу захватывает, остро заинтересовывает зрителей, тут же начинаешь ждать, что вот-вот автор и театр расскажут нам все об этом человеке, что мы узнаем и о его прошлом и будущем и о том, каким образом, почему Тельгара так «обюрократился», почему оторвался от людей и поставил себя над всеми, почему он так груб и резок с окружающими. Может быть именно обида на «клеветников», написавших в газету, заставила его так резко, грубо говорить с людьми? Нет, Бадыров показывает, что так Тельгара разговаривает со всеми колхозниками, это — стиль его работы и «руководства». А откуда взялись эти качества у Тельгары? Всегда он был таким, или постепенно, да еще под влиянием подхалимов появилась в нем эта абсолютная уверенность в собственной непогрешимости? Один эпизод спектакля, кажется, начинает отвечать на этот

вопрос. Тельгара спрашивает колхозника Абильбека (Е. Умурзаков), что говорят о нем люди. Абильбек закрывает глаза и высоким, тонким голосом начинает петь песню о достоинствах Тельгары. Тельгара с упоением слушает, взгляд его смягчается, а губах появляется довольная, гордая улыбка... Но затем тема «Абильбека-подхалима» совершенно исчезает, и Е. Умурзаков легко и со вкусом играет лишь хорошо написанный образ традиционного сельского Дон-Жуана, неудачно ухаживающего за всеми девушками села, а потом влюбившегося с первого взгляда в приезжую Фариду. Центральная тема опять остается в стороне, эпизод с Абильбеком, вместо того чтобы разъяснить положение, вносит лишь недоумение, так как нигде дальше Абильбек не показан как пособник Тельгары, хотя бы и невольный.

На чем же держится конфликт пьесы? Анар, племянница Тельгары, отказывает своему жениху Бахытжану (К. Саурыков), так как он оскорбил ее дядю. Но почему это происходит—непонятно. Нельзя было делать Анар неопределенно-лирическим, «голубым» образом. Если и она за «худой» мир, если и она заражена предрассудками семейственности—можно было не бояться сатиры, ярких красок и в этой роли. Так повисает в воздухе важнейшая проблема, без решения которой невозможна сатирическая комедия, проблема «питательной среды», в которой могут вырасти такие люди, как Тельгара, проблема «истоков» его характера, его самодурства.

Режиссер правильно сделал, не показав в спектакле пролог: старик и мальчик Жанас идут по степи в бурю и метель, ищут приюта, ищут места, где могли бы жить они, безземельные, безлошадные бедняки. Старик, изнемогая, падает на землю, Жанас поддерживает его, пытается вести вперед. А через секунду открывается занавес — Жанас, уже старик, работает в колхозном саду; к нему пришла та счастливая жизнь, о которой только мечтали бедняки-казахи до революции. Такой пролог перевел бы всю пьесу в условно-романтический план, пошел бы вразрез со всем решением спектакля. Стремясь отразить жизненные противоречия, театр не «сгладил» конец спектакля, не превратил Тельгару в раскаявшегося грешника: он остается одиноким, потрясенным и все же — прежним упрямым Тельгарой, мимо которого проходит жизнь.

Так развивается действие этого спектакля—умного, нужного, интересного, но как бы остановившегося на полдороге, не сделавшегося той сатирической комедией о современности, каким мог бы он быть.

Эта незавершенность постановки заметна именно потому, что в целом театр идет по правильному, интересному пути, потому что, работая над любой пьесой, классической или современной, режиссура и актеры ищут выразительные средства, помогающие создать спектакль четкого, определенного жанра.

И если Г. Мусрепов, А. Тажибаев и другие казахские драматурги будут в дальнейших своих пьесах полнее, глубже отражать жизнь и в то же время решительнее отходить от ложных канонов драматургии, можно не сомневаться, что театр даст зрителям ряд новых, ярких постановок.